

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

Ленинградское отделение

ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ
И ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ
НАРОДОВ ВОСТОКА

XIX ГОДИЧНАЯ НАУЧНАЯ СЕССИЯ
ЛО ИВ АН СССР
(доклады и сообщения)
1985

Часть I

Издательство "Наука"
Главная редакция восточной литературы
Москва 1986

чисто государственным правотворчеством: составлением указов (в Пэкче с III в.), сборников законов (в Когурё с IV в., в Силла с VI в.) по китайскому образцу. Они не сохранились, и отсутствие в источниках даже намёка на них содержание свидетельствует, возможно, о малой их распространенности как первого опыта рецепции иноземного права.

1. Асами Ринтаро. Тёсэн хосэй сико (Исторический обзор права Кореи). Токио, 1968.
2. Н.Я.Бичурин. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. П. М.-Л., 1950 (переводы из "Хоу Ханьшу", цз. II5, из "Нань ши", цз. 79, из "Бэй ши", цз. 94, из "Суй шу", цз. 81, из "Синь Тан шу", цз. 219).
3. Д.М.Бутин. Три статьи из законодательства Древнего Чосона. - Изв. СО АН СССР, сер. общ. наук. Новосибирск, 1978, в. I, № I.
4. Н.В.Кюнер. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. М., 1961 (переводы из "Сань го чжи", цз. 30, из "Цзинь шу", цз. 97).
5. Лян шу (История Лян, цз. 54). Шанхай, 1936 (в сер. Сыбу бэйяо, шибу).
6. Самгук саги (Исторические записи трех государств). Т. I-II, Сеул, 1914.
7. Хан Кимун. О развитии системы права в Корее (от периода формирования древнего государства до феодальной эпохи). - Ёкса чемунчжэ, Пхеньян, № 3, 1948.
8. Хангукса. Т. I: Кодэпхён (История Кореи. Т. I: Древний период) Сеул, 1971.
9. Хэдон ёкса (История Кореи). Составитель Хан Чжиён. Цз. 24 (Уголовное право). Б.м.б.г.
10. Чжоу шу (История Чжоу), цз. 49. Шанхай, 1936 (в сер. Сыбу бэйяо, шибу).
- II. Encyclopedia of Korean History. Seoul (Кукса гэсаджон. Сеул). 1962-1963.

Р.Н.Демин

ДРЕВНЕКИТАЙСКАЯ ПАРАЛЛЕЛЬ К ТРАКТАТУ ДРЕВНЕГРЕЧЕСКОЙ МЕДИЦИНЫ "О ВОЗДУХАХ, ВОДАХ И МЕСТНОСТЯХ"

История формирования "Хуанди нэйцзин", одного из древнейших произведений китайской медицины, еще не изучена в достаточной

степени, чтобы можно было с уверенностью говорить о времени написания того или иного трактата, входящего в этот памятник. Исследователь истории китайской науки Ямада Кэйдзи в статье "Образование "Хуан-ди нэй-цзин" отмечает, что выяснение процесса формирования памятника равнозначно выяснению процесса развития медицинских теорий в древнем Китае.¹ По мнению авторов "Истории китайской медицины" „Нэйцзин“ был опубликован около конца периода Чжоу или в начале династии Цинь. Они считают, что это сочинение содержит материалы и более раннего времени и составлено из произведений различных авторов.² Значение "Хуанди нэйцзин" для истории китайской науки вообще и медицины, в частности, можно сравнить со значением Гиппократовского корпуса для западноевропейской науки.

Среди произведений, образующих "Хуанди нэйцзин" имеется небольших размеров глава "И фа фань и лунь", представляющая собой интересную параллель к одному из наиболее ранних сочинений Гиппократовского корпуса (приблизительно 30-20 гг. У в. до н.э.) трактату "О воздухах, водах и местностях", автор которого (иногда считают, что им является Гиппократ) рассматривает влияние климатических условий и географического положения на здоровье и болезни людей.³ Автор главы, рассматривая "силы местностей" (土地勢 диши) пяти областей: Востока, Запада, Севера, Юга и Центра, делает вывод, что характер пищи, жилища, образ деятельности, климатические условия определяют болезни, свойственные той или иной области. Например, для людей Востока, чьей пищей является рыба и соль, характерной болезнью будут язвы, так как употребление соли вредит крови. По мнению автора, каждая болезнь излечивается определенным методом и, следовательно, "диши" областей определяют и методы лечения болезней. Он считает, что каждый из используемых в медицине методов происходит из определенной области: лечение иглоукальванием с использованием каменных игл с Востока; лечение ядовитыми лекарствами с Запада; лечение прижиганием с Севера; лечение девятью иглами с Юга; а лечение дыхательными упражнениями и массажем из Центра.⁴

Идеи, сходные с изложенными в главе, например, объяснение причин болезней в различных областях указанием на свойства воды в этих областях, можно найти не только в "Хуанди нэйцзин", но и в таком памятнике древнего Китая, как "Лэй-ши чунь цю", в главе "Исчерпать [определенное] количество". В ней говорится: "Там, где вода легкая, много людей с лишаем и злокачественными опухолями; там, где вода тяжелая, много людей с опухшими ногами и неспособных передвигаться; там, где вода сладкая, много стройных и красивых людей; там, где вода горчит, много людей с неизлечимыми язва-

ми; там где вода горькая, много уродливых и горбатых людей".⁵

Объяснение причин заболеваний естественными факторами: пищей, климатом, свойствами воды и т.п., даваемое древнекитайскими мыслителями, аналогично взглядам, изложенным в трактате Гиппократовского корпуса "О воздухах, водах и местностях". Близок также к некоторым идеям, высказанным в трактате, например, о необходимости для врача знать "перемены времен года, восхождение и захождение звезд", и ряд мест в других главах памятника.

В том обстоятельстве, что автор трактата "О воздухах, водах и местностях" дает объяснение причин заболеваний с помощью только природных факторов, иногда видят одну из форм проявления рационализма, свойственного древнегреческой науке и, якобы, несвойственного научным представлениям стран Дальнего Востока. Приведенный пример, демонстрирует наличие аналогичных идей в древнекитайской медицине, и, как нам представляется, свидетельствует о необходимости изучения в сравнительном плане "Хуанди Нэйцзин" и Гиппократовского корпуса. Как справедливо заметили П.Дар и М.Ван в статье "К изучению древней китайской медицины": "Тенденции медиков древнего Китая, их профессиональная практика представляют большой интерес. Но и пути развития их теорий и медицинской техники должны в такой же мере привлекать к себе наше внимание и позволить нам посредством сравнительного метода сопоставить их с путями древних медиков Европы".⁶

Некоторые формы проявления научной рациональности в древнекитайской науке, например, методы построения текста, методы изложения эмпирического материала в соответствии с определенным порядком пяти элементов, на наш взгляд, не обладают такой очевидностью как более изученные формы проявления рационализма в западноевропейской науке. Поэтому сравнительное изучение памятников древнекитайской и древнегреческой науки, с необходимостью связанное с решением ряда текстологических вопросов, будет также способствовать решению некоторых проблем научной рациональности, например, таких как: формы проявления рационализма, критерий научной рациональности, типы научной рациональности и др., т.е. проблем, принадлежащих к области философии и методологии науки.

1. Yamada Keiji. The Formation of the Huangti Nei-ching. - Acta Asiatica, Bulletin of the Institute of Eastern Culture, 36. Tokyo, 1979, с. 68.

2. K.C.Wong. Wu Lien-teh "History of Chinese Medicine". Tientsin, /1932/, с. 17.

3. Гиппократ. Избранные книги. пер. В.И.Руднева. Биомедгиз, 1936, с. 275-305.
4. Хуанди нэйцзин Сувэнь. Пекин, 1963, с. 80-82.
5. Древнекитайская философия. М., 1973, т. 2, с. 294.
6. П.Юар и М.Ван. К изучению древней китайской медицины.-Из истории науки и техники в странах Востока. Вып.Ш.М., 1963, с.171.

Н.А.Дулина

МОЛЬКОВАЯ СОБСТВЕННОСТЬ В ОСМАНСКОЙ ИМПЕРИИ

(по материалам новейших исследований болгарских туркологов)

В библиотеках Болгарской Народной Республики хранится особенно значительное собрание турецких архивных материалов. Среди них имеется большое число документов османских государственных канцелярий, касающихся землевладения и землепользования.

Болгарские историки уже несколько десятилетий, начиная с 50-х годов, успешно и плодотворно исследуют названные источники по аграрным отношениям в Османской империи XV-XX веков и выпустили в свет целый ряд монографий и статей. В исследовании В.П.Мутафчиевой "Аграрные отношения в Османската империя през XV-XVI век" (София, 1962) большое число страниц посвящены мольковому и вакуфному землевладению. Выводы болгарского автора убедительно документированы и широки по значению. И хотя в ее труде исследуется лишь история землевладения XV-XVI вв., но так как аграрные институты в Османской империи были тесно связаны с религиозной идеологией и во многом оставались консервативными, то выводы этого автора в значительной мере распространяются и на последующие три столетия. Другой болгарский исследователь Б.Цветкова в статье "К исследованию аграрных отношений в Османской империи с конца XVI до середины XVIII в." (Труды XXV Международного конгресса востоковедов. Т.П.М., 1963, с.421-429) специально затронула вопрос об изменениях, происшедших в османской аграрной системе в последующие столетия.

В 50-80-е годы XX в. помимо Болгарии исследователи-марксисты Советского Союза, Венгрии, Румынии и Югославии опубликовали целый ряд монографий и статей, основанных на изучении аутентичных источников, а также и сами источники по истории османского землевладения. Среди них А.С.Тверитинова, А.Д.Новичев, Н.А.Иванов, И.М.Смилянская, С.Ф.Орешкова, М.С.Мейер, М.Х.Сванидзе, Стр.Димитров, Ф.Милкова, Н.Тодоров, Жак Натан, Е.Грозданова, Г.Гылыбов, Х.Хаджибегич, Л.Фекете и др.

Монография А.С.Тверитиновой "Аграрный строй Османской империи XV-XVIII вв." (М., 1963) содержит переводы на русский язык ту-